

DOI 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-20-30

УДК 39

Марк Альвиевич Козинцев

Институт восточных рукописей РАН;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-8588-739X
E-mail: m.kozintcev@mail.ru

Роман Юлианович Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4192-3528
E-mail: rpochekaev@hse.ru

Шахимардан Ибрагимов о дипломатическом церемониале в русско-кокандских отношениях 1870-х годов

АННОТАЦИЯ. Ш. М. Ибрагимов (1841–1891) в течение ряда лет служил при туркестанском генерал-губернаторе К. П. фон Кауфмане, занимая должности сначала переводчика канцелярии, а затем чиновника по дипломатической части, в ведении которого фактически находились внешнеполитические связи туркестанской краевой администрации. В то же время Ш. М. Ибрагимов являлся историком и этнографом, внесшим значительный вклад в изучение кочевых и оседлых народов в регионах, входивших в состав Туркестанского края. Служа по дипломатической линии, немало внимания он уделял описанию церемониала и протокола в отношениях краевой администрации с правителями среднеазиатских ханств, не ограничиваясь при этом сухим изложением, а приводя весьма яркие и выразительные характеристики. Анализируются сведения Ш. М. Ибрагимова о церемониале и протоколе, использовавшихся в дипломатических контактах Туркестанского генерал-губернаторства и Кокандского ханства в 1872 г. Наряду с опубликованными статьями о пребывании российских дипломатов в конце февраля — начале марта при дворе кокандского хана Худояра (1829–1886) в исследовании вводятся в научный оборот и анализируются данные неопубликованного дневника Ш. М. Ибрагимова о приеме сына кокандского хана в Ташкенте в конце января — середине февраля.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Российская империя, Центральная Азия, Туркестанский край, Кокандское ханство, К. П. фон Кауфман, Худояр-хан, Ш. Ибрагимов, дипломатический церемониал и протокол

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Козинцев М. А., Почекаев Р. Ю. Шахимардан Ибрагимов о дипломатическом церемониале в русско-кокандских отношениях 1870-х годов. *Кунсткамера*. 2022. 3(17): 20–30. doi 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-20-30

Mark Kozintcev

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences;
Higher School of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8588-739X
E-mail: m.kozintcev@mail.ru

Roman Pochekaev

Higher School of Economics
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4192-3528
E-mail: rpochekaev@hse.ru

Shahimardan Ibragimov on Diplomatic Ceremonial and Protocol in the Russian-Khoqand Relations of the 1870s

ABSTRACT. For several years Shahimardan Ibragimov (1841–1891) served under the Governor-General of Turkestan Konstantin P. von Kaufmann — first as an interpreter in his office, then as a diplomatic official. Basically, he was in charge of the foreign relations of the regional administration of Russian Turkestan. At the same time, Sh. Ibragimov was a historian and ethnographer who significantly contributed to the study of nomadic and settled peoples living on the territories that were part of Russian Turkestan. During his service, he paid much attention to the diplomatic ceremony and protocol used in the relations of the Russian administration with the rulers of the Central Asian khanates. This part of diplomatic work was described by Sh. Ibragimov very vividly and thoroughly. In this paper the information on the ceremonial and protocol in contacts of the Turkestan Region with the Khanate of Khoqand in 1872 is analyzed. The authors consider Sh. Ibragimov's articles published in the Turkestan press, which are dedicated to the stay of the Russian diplomats at the court of Khudayar (1829–1886), the Khan of Khoqand, from the end of February to the beginning of March. Some materials of the unpublished diary of Shahimardan Ibragimov about the reception of the Khan's son in Tashkent from the end of January to the middle of February, are introduced into scientific circulation for the first time.

KEYWORDS: Russian Empire, Central Asia, Turkestan Region, Khanate of Khoqand, Konstantin P. von Kaufmann, Khudayar Khan, Shahimardan Ibragimov, diplomatic protocol and ceremonial

FOR CITATION: Kozintcev M., Pochekaev R. Shahimardan Ibragimov on Diplomatic Ceremonial and Protocol in the Russian-Khoqand Relations of the 1870s. *Kunstkamera*. 2022. 3(17): 20–30. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-20-30

Имя Шахимардана Мирясовича («Ивана Ивановича») Ибрагимов вряд ли широко известно историкам и востоковедам, несмотря на его значительный вклад как в развитие отношений со странами и народами Востока от Казахской степи и Средней Азии до Аравийского полуострова, так и в изучение среднеазиатских народов и регионов, в том числе их истории, этнографии, исторической географии, быта и народного творчества. Биография Ш. Ибрагимов могла бы стать сюжетом для авантюрного романа, однако ее описание не входит в задачи авторов статьи¹. Здесь мы полагаем целесообразным сосредоточиться на краткой характеристике «туркестанского» периода его жизни и деятельности.

Ш. Ибрагимов поступил на службу в администрацию Туркестанского края в 1870 г. Его карьера началась с должности переводчика с персидского, маньчжурского и татарского языков при канцелярии начальника края К. П. фон Кауфмана (1867–1882). В это же время по приказу генерал-губернатора он занялся выпуском первой газеты, выходящей на языках местного населения (киргизском и сартском), «Туркистон вилоятининг газети», став ее первым редактором. В 1878 г. он оставил обе должности в связи с возложением на него обязанностей чиновника по дипломатической части, которые ему в значительной степени приходилось выполнять и прежде, не ограничиваясь исключительно переводческими функциями. Он занимал эту должность до смерти К. П. фон Кауфмана в 1882 г., после чего вышел в отставку, не найдя общего языка с новым генерал-губернатором М. Г. Черняевым (1882–1884) (Лунин 1966: 41–42; Костецкий 2008: 111).

В рамках своей служебной деятельности Ш. Ибрагимов совершал немало поездок по территории Туркестанского края, а также в сопредельные страны, прежде всего протектораты Российской империи в Средней Азии: Кокандское ханство и Бухарский эмират. Также ему приходилось неоднократно принимать участие в приеме посольств из этих государств. Кроме того, питая интерес к познанию региона (он был членом Среднеазиатского ученого общества), Ибрагимов активно занимался изучением разных сторон жизни населения Туркестанского края и соседних государств. Результаты этой работы нашли отражение в ряде публицистических статей и заметок, опубликованных по большей части на страницах газеты «Туркестанские ведомости», а также в нескольких научных работах, которые и сегодня широко используются специалистами по истории Центральной Азии (см., например: Ибрагимов 1874; 1876; 1878).

В настоящей статье анализируются сведения Ш. Ибрагимов о церемониале и протоколе, применявшихся в дипломатических контактах Туркестанского генерал-губернаторства с Кокандским ханством².

В 1868 г. Кокандское ханство первым из трех среднеазиатских государств было вынуждено признать протекторат Российской империи, и его хан Худояр (правил в 1844–1875 гг. с перерывами) заключил с туркестанским генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом договор о мире и дружбе. Кокандский хан поддерживал добрые отношения с российскими властями вплоть до 1875 г., когда оказался свергнут в результате восстания. Годом позже К. П. фон Кауфман, подавив это восстание, принял решение упразднить ханство, преобразовав его в Ферганскую область Туркестанского края (подробнее см.: Почекаев 2021б).

Однако до этих драматических событий в течение нескольких лет отношения Ташкента и Коканда были миролюбивыми и дружественными, и хан Худояр под российским влиянием даже проводил в ханстве определенные преобразования, внедряя в обиход собственного двора и даже своих подданных предметы европейского быта, некоторые нормы поведения и пр. С 1869 г. при туркестанском генерал-губернаторе находился официальный представитель хана Мирза Хаким-

¹ Основные этапы и противоречивые моменты биографии Ш. Ибрагимов, его научное наследие, а также оценки современников проанализированы авторами в другой публикации, см.: (Козинцев, Почекаев 2022).

² По-видимому, Ш. Ибрагимов признавался экспертом по русско-кокандским отношениям не только в Туркестане. Об этом свидетельствует, в частности, публикация в либеральной петербургской газете «Голос», в которой он исправляет ранее опубликованное сообщение о пребывании кокандского посла в Петербурге и Москве, уточняя, во-первых, что звали посла не Искандерхан, а Мирза-Хаким, во-вторых, что во время пребывания в столице он женился не на «рenegатке», а на правоверной мусульманке ([О кокандском посольстве] 1870).

датха³, что не исключало периодического обмена посольствами между Ташкентом и Кокандом. Пожалуй, наиболее «статусной» из таких миссий стал приезд к К. П. фон Кауфману Сейид-Мухаммада Насреддин-бека — старшего сына хана Худояра, занимавшего пост наместника Андижана, который пробыл в Ташкенте с 27 января по 15 февраля 1872 г. Поводом для поездки послужило желание кокандского правителя сообщить его другу, туркестанскому генерал-губернатору, о том, что младший ханский сын, 6-летний Урман-бек, прошел обряд обрезания. Реальной же причиной отправления Насреддина в Ташкент стало желание его отца познакомить наследника трона⁴ с достижениями русской (европейской) цивилизации и по возможности заручиться покровительством генерал-губернатора и его администрации.

Значительность посольства в глазах самих кокандцев отражает тот факт, что его описание нашло отражение в произведениях кокандской историографии (Бейсембиев 1987: 129; 2009: 112). Немалое внимание было уделено ему и в самом Ташкенте, в частности в газете «Туркестанские ведомости» на протяжении нескольких выпусков публиковались репортажи о пребывании *хан-заде* (наследника трона) в Ташкенте, приемах в его честь, его отношении к увиденному и пр. (Пребывание в Ташкенте... 1872; Прибытие в Ташкент... 1872).

Ш. Ибрагимов принимал самое непосредственное участие в организации пребывания ханского сына Насреддин-бека в Ташкенте, исполняя обязанности его переводчика и сопровождающего. А когда тот отбыл обратно в Кокандское ханство, К. П. фон Кауфман поручил сопровождать его войсковому старшине Б. М. Бергу и тому же Ш. Ибрагимову. С 19 февраля по 5 марта 1872 г. российские чиновники пробыли при дворе хана Худояра, принимая участие во все еще продолжавшихся празднованиях по случаю обрезания младшего сына хана, состоявшегося еще 10 декабря 1871 г.

Одним из результатов этой поездки в Коканд стала публикация целой серии статей Ш. Ибрагимова в «Неофициальном отделе» газеты «Туркестанские ведомости», в которых он достаточно подробно описал пребывание в городе, обычаи, праздники, быт местного населения. Нельзя не отметить, что в этих статьях автор позволял себе живые эмоциональные оценки увиденного, не скрывал своего личного отношения к тем или иным реалиям традиционного быта ханства, т. е. в большей степени проявлял себя в публикациях не как чиновник-бюрократ, а как внимательный исследователь и талантливый публицист.

Элементы кокандского дипломатического церемониала и протокола впервые проявились практически сразу после пересечения границы ханства⁵. Так, Ш. Ибрагимов описывает, как *хан-заде* и сопровождавших его лиц встретили шесть *сарбазов*⁶, командир которых ритуально поприветствовал Насреддина: взял его руку «и отер ею свое лицо и глаза». Поскольку теперь ханскому наследнику не требовался русский вооруженный эскорт, он поблагодарил сопровождавших его казаков, выдав каждому рядовому по серебряному рублю, а их офицеру накинул на плечи халат, «так как в Средней Азии никакое изъявление чувств немислимо без поднесения в подарок халата» (Ибрагимов. Русское посольство 1872: 80).

Далее *хан-заде* со спутниками встречал уже сам *мехтер* — второй по значимости сановник Кокандского ханства, также сопровождаемый несколькими солдатами. Примечательно, что для ханского сына и русских дипломатов были организованы встречи в кишлаках, через которые они проезжали: жители выносили хлеб-соль, а местные дети встречали их, выстроившись с книгами в руках под предводительством своих мулл-учителей. В нескольких верстах от Коканда прибывших встречали уже целое воинское подразделение численностью 150 солдат и несколько музыкантов (Ибрагимов. Русское посольство 1872: 80–81).

³ *Датха* (перс. дадх^аах) — почетный титул в ханствах Средней Азии, носитель которого обладал рядом привилегий и иммунитетов.

⁴ В 1875 г. Насреддин занял трон в результате свержения его отца, став, таким образом, последним правителем Кокандского ханства.

⁵ Ш. Ибрагимов упоминает, что Насреддин сразу по выезде из Ташкента уехал вперед и лишь несколько дней спустя опять присоединился к русским дипломатам. Вероятно, в его обязанности входило подготовить некоторые начальные элементы встречи миссии на пограничных территориях ханства.

⁶ *Сарбаз* — общее название представителей регулярных войск в Иране и Средней Азии в XIX — начале XX в.

Ш. Ибрагимов сообщает, что 18 февраля, в день приезда в Коканд, хана в городе не было, поэтому прием был назначен на следующий день. Принимая во внимание скрупулезность среднеазиатских владетелей в соблюдении протокола, позволим себе предположить, что Худояр тем самым хотел показать свою значимость российским дипломатам, которые, как можно понять, не обладали высоким статусом и вряд ли могли рассматриваться как полноценное посольство. Тем не менее на следующий же день аудиенция была дана, и хан, как будет показано ниже, продемонстрировал представителям туркестанской администрации гостеприимство и дружелюбие.

Согласно сообщению Ш. Ибрагимова, члены миссии направились в ханский дворец в сопровождении конной охраны, а перед самой резиденцией Худояра «случайно или с умыслом, но в это время коканскими сарбазами проводилось фронтовое ученье». Трудно представить, что хан, не понаслышке знавший об успехах российской армии, хотел поразить русских мастерством и вооружением своих воинов. Скорее это было что-то вроде импровизированного парада в честь посланцев К. П. фон Кауфмана.

У ворот российским дипломатам предложили спешиться, что, согласно описанию Ш. Ибрагимова, было воспринято как само собой разумеющееся⁷: он и Б. М. Берг сошли с коней, прошли внешний двор, а затем и внутренний, оказавшись перед ханским дворцом, где им было предложено подождать Худояра, пребывавшего в это время «на женской половине». Нетрудно заметить, что и в этом ожидании (впрочем, по словам переводчика, не продлившемся долго) демонстрировалась значимость среднеазиатского правителя.

Российские посланцы были приглашены в приемный зал, устланный «русскими шерстяными материями», где их уже ждал хан Худояр, рядом с которым в порядке значимости восседали представители правящего рода и сановники начиная с ханского брата Султан-Мурад-бека и *хан-заде* Насреддина. Каждому из дипломатов хан пожал руку, тем самым демонстрируя восприятие этого русского обычая, после чего задал ритуальные вопросы о здоровье императора Александра II, а также о здоровье и настроении генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана.

Ответ Б. М. Берга также был выстроен в соответствии с протоколом: он выразил хану благодарность генерал-губернатора за разрешение наследнику побывать в Ташкенте, похвалил от его имени Насреддина и поздравил с обрезанием младшего сына. Хан, не понимавший ни слова по-русски, тем не менее одобрительно кивал, а в процессе перевода Ш. Ибрагимовым речи Берга неоднократно перебивал его словами: «Вот что он говорил!» После обмена приветствиями были внесены подарки хану от К. П. фон Кауфмана, которые Худояр с благодарностью принял, однако при этом произнес еще одну, по-видимому, ритуальную фразу: «Вещи на свете ничего не значат, а главное, надобно желать, что бы он, друг мой, был здоров. Вещи всегда можно найти, а друзей найдешь нескоро» (Ибрагимов. Русское посольство 1872: 64).

Завершив официальную часть приема, хан пригласил дипломатов на угощение в обеденную комнату, обставленную «совершенно по-европейски», где им были предложены «чай и неизбежный достархан». Завершился прием ритуальным поднесением русским дипломатам «меховых халатов» и приглашением на «базым» (праздник) на городской площади.

Праздник состоял из представления с участием танцоров-бачей, шутов-маскарбазов, причем хан неоднократно интересовался, нравится ли послам торжество, и есть ли что-то подобное в России. Примечательно, что на последний вопрос Худояру ответил не кто-то из членов миссии, а мулла Турды-Али — один из сановников, сопровождавших Насреддина в поездке в Ташкент, поведавший хану о балах у Кауфмана, особо оговорив участие в них женщин, на что хан, внимательно слушая, периодически повторял: «Странно, очень странно». Поскольку данное мероприятие уже не носи-

⁷ Нельзя не вспомнить, что на протяжении десятилетий в дипломатических отношениях России с центральноазиатскими государствами неоднократно возникали ожесточенные споры между русскими дипломатами и представителями властей ханств о том, где именно первым следовало сойти с коней (см.: Почаев 2021а: 32, 34). Однако в данном случае, полагаем, никакого спора не возникло по той причине, что и российские дипломаты, и сами кокандские сановники прекрасно осознавали статус ханства в отношении России и спешивание перед ханской резиденцией не воспринималось как попытка нанести оскорбление Российской империи через унижение ее представителей.

ло официального характера, хан довольно оживленно общался с посланцами, демонстрируя большой интерес к самым разным реалиям российской жизни — от ношения кепи и цирковых лошадей до количества отделений Госбанка в стране и вероисповедания англичан, немцев и пр. Не дожидаясь окончания праздника, он простился с Бергом и Ибрагимовым и направился во дворец, после чего к посланцам подошел *хан-заде* Насреддин, извинившись, что сразу их не поприветствовал, но объяснив свое поведение: «У нас принято, что младшие не здороваются в присутствии старших» (Ибрагимов. Русское посольство 1872: 64).

Несколькими днями позже, 28 февраля, прием русским дипломатам давал уже сам *хан-заде* Насреддин, который назвал свой прием «балом», однако, как отмечает Ибрагимов, понимал его в чисто среднеазиатском смысле, по сути, превратив в традиционное представление с песнями и танцами бачей, духовой музыкой и пр. Примечательно, что прием происходил в том же зале, в котором дипломатов принимал сам хан. У входа в зал гостей встретил брат хана Султан-Мурадбек, а в зале, помимо *хан-заде*, присутствовали его четыре сына, *мехтер* и «еще какие-то тучные старики», присутствие которых, вероятно, должно было показать высокое уважение Насреддина к посланцам генерал-губернатора.

Рассадив гостей на стулья, сын хана приказал подать чай со сливками, на русский манер. Увидев, что гостям некуда поставить стаканы, он собственноручно придвинул им небольшой столик. Вскоре в зал вошли несколько бачей, довольно развязно рассевшихся среди гостей. Хан-заде сказал русским дипломатам, что по протоколу полагается «шутить с мальчиками, занимать их», чего совершенно не хотелось делать русским с этими «избалованными мальчуганами». Однако пришлось что-то говорить бачам, чтобы соблюсти этикет. Разрядило обстановку распоряжение Насреддина привести музыкантов, танцоров и акробатов, выступление которых, впрочем, не произвело на русских сильного впечатления после увиденного ими ранее на площади. Отвезли их из ханского дворца на кабриолете, который К. П. фон Кауфман подарил Насреддину в Ташкенте (Ибрагимов. Пять дней 1872: 80).

На очередной прием 29 февраля к хану явился лишь Ш. Ибрагимов, объяснивший, что его спутник Б. М. Берг немного болен, что сильно беспокоило хана, который пожелал старшине скорейшего выздоровления, на прощание вновь пожав переводчику руку. 1 марта русские дипломаты присутствовали на похоронах матери сановника Иссы-Аулийе (еще одного спутника Насреддина по поездке в Ташкент), на котором хан вновь выразил беспокойство по поводу состояния здоровья Б. М. Берга и радость, когда тот сообщил ему о выздоровлении. После похорон была «байга» (скачки), во время которых русских дипломатов посадили туда, откуда обычно смотрел за состязаниями сам хан, в это время удалившийся ближе к финишу и месту вручения призов. Вернувшись, он предложил гостям подождать в его палатке, пока он сам совершает молитву, после чего вновь присоединился к русским посланникам (Ибрагимов. Пять дней 1872: 81).

Не следует думать, что эти празднества были организованы в связи с прибытием российской миссии в Коканд: Ш. Ибрагимов специально отмечает, что они стали частью того длительного торжества с связи с обрезанием младшего ханского сына Урман-бека, которые начались в день совершения этого обряда и не прекращались несколько месяцев. Причем каждый бек-наместник должен был за свой счет устраивать празднества в течение нескольких дней, проводя состязания и вручая призы. Ко времени прибытия русских дипломатов в ханство эта дорогостоящая честь выпала ханскому брату Султан-Мурад-беку (Ибрагимов. Из Кокана 1872).

Прощальная, весьма краткая, аудиенция состоялась 3 марта. Она носила формальный характер: хан дал официальное согласие на отъезд русской миссии, а также еще раз выразил радость по поводу ее приезда. Также он просил передать благодарность К. П. фон Кауфману за то, что он отправкой к нему Б. М. Берга и Ш. Ибрагимова продемонстрировал свою дружбу, «а дружба — дороже всего на свете». Потом заявил, что «теперь два государства (Россия и Кокан) будут как одно; пусть оба они равно благоденствуют». Эта фраза, как представляется, служила очередной данью протокольной традиции: хан прекрасно осознавал свой статус по отношению к Российской

империи, тем не менее считал нужным подчеркнуть в присутствии и русских дипломатов, и собственных придворных формальное равенство двух государств в дипломатических отношениях. Таким образом, и этот прием у хана подтвердил ранее высказанные наблюдения Ш. Ибрагимова о том, что кокандские власти относятся к России дружелюбно и, вероятно, со временем испытают в значительной степени ее влияние в самых разных сферах жизни.

Мы неслучайно начали обзор сведений Ш. Ибрагимова о церемониале и протоколе в дипломатических контактах России и Коканда с организации приема русских дипломатов при дворе хана Худояра, хотя хронологически он имел место позже визита ханского сына в Ташкент. Дело в том, что опубликованных работ Ибрагимова, посвященных пребыванию бека Насреддина в Ташкенте, насколько нам известно, нет: вышеупомянутая серия статей в «Туркестанских ведомостях» публиковалась без указания авторства и, судя по стилистике, была подготовлена не Ибрагимовым. Вполне вероятно, что визит сына Худояра освещали либо корреспонденты газеты, либо чиновники канцелярии генерал-губернатора, отвечавшие за протокольную часть.

В нашем распоряжении имеются неопубликованные сведения Ш. Ибрагимова о приеме Насреддина в Ташкенте. Переводчик К. П. фон Кауфмана вел дневник пребывания ханского сына в Ташкенте, в котором день за днем фиксировал все его перемещения, контакты, реакции и пр., вплоть до мелких деталей, благо, что он, как уже упоминалось, состоял при Насреддине переводчиком и сопровождающим (АВ ИВР РАН. Ф. 33. Оп. 1. Ед. хр. 224⁸).

Дневник не был окончательно отредактирован: текст частью представлен в виде черновых записей, частью — в виде более или менее обработанных разделов. Довольно сложно реконструировать процесс их обработки. В целом представляется, что черновики передавались секретарям для переписывания, а затем, по мере готовности, проходили повторную вычитку и правку. Этим можно объяснить различия в почерке — представлено не менее трех вариантов курсива, выполненных, без сомнения, разными людьми (ср. л. 5–12, 73–81 об., 123–130 об.), а также значительное разнообразие бумаги. Для черновых записей использовались не только писчая бумага, но и тетрадные листы (л. 106–107 об.) и бумажные обрезки (л. 88), сильно различающиеся по размерам. Присутствуют вложения, заметно выделяющиеся среди остального текста. Это касается, например, писем, среди которых представлены образцы как на русском языке (л. 84), так и тюркоязычные, написанные арабицей (л. 91). Встречается несколько рисунков-схем, связь которых с текстом не всегда прослеживается. Большое количество исправлений и дополнений, а также широкое использование скорописи, прежде всего в необработанных карандашных записях, сильно затрудняет восприятие текста. Очевидно, однако, что данный источник содержит немало ценных сведений, и потому его издание в будущем представляется перспективным и полезным.

Ш. Ибрагимов описывает в своем дневнике пребывание Насреддина в Ташкенте (как и собственный визит в Коканд в вышеупомянутых статьях) весьма ярко и выразительно. Дополнительную ценность его сведениям придает тот факт, что ханский сын, по-видимому, не слишком стеснялся обсуждать с ним российские реалии, поскольку видел в нем не только русского чиновника, но и своего соплеменника и единовека — тюрка-мусульманина.

Отметим, что дневник Ш. Ибрагимова достаточно давно известен исследователям, и они подчеркивают его значительную ценность как источника по истории русско-кокандских отношений (Левтеева 1986: 9, 42), однако до сих пор его содержание не становилось предметом специального исследования. Поскольку дневник весьма объемный, в рамках настоящей статьи мы обратим внимание лишь на некоторые наиболее яркие фрагменты, связанные с дипломатическим церемониалом и протоколом.

Хан-заде Насреддин 29 января принимал многочисленных туркестанских чиновников, с которыми вел светские разговоры и «был со всеми очень любезен» (л. 22). Несомненно, в данном случае он как раз старался выполнить «неофициальную часть» своей дипломатической миссии:

⁸ Далее при ссылках на этот источник указываются только листы.

по просьбе отца заручиться в Ташкенте связями, которые в дальнейшем пригодились бы ему, чтобы увереннее чувствовать себя на ханском троне.

В тот же день был назначен официальный визит у генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана, на который Насреддин отправился «со своими стариками»⁹ в сопровождении казачьего конвоя, а за ними вели в поводу лошадей и несли другие подарки от хана начальнику края. Кауфман принял *хан-заде* в довольно неофициальной обстановке — в собственном кабинете, тем не менее соблюдая все необходимые церемонии: спросил о здоровье хана и самого Насреддина, после чего показал ему цветы и даже дал понюхать («запах цветов ему очень понравился»), сообщив, что у его жены цветы еще лучше, и пригласив назавтра к ней на прием. Тут же он предложил ханскому сыну осматривать в Ташкенте и округе все, что он пожелает, и сообщил, что уже дал распоряжение саперам продемонстрировать гостю работу со взрывчатыми веществами и током.

Сам Насреддин ответил не менее ритуальными фразами, извинившись, что его отец не смог приехать лично, а Мирза Хаким добавил к его словам: «И в книгах сказано, что сын всегда заменяет отца, поэтому и Хан Зада (*sic!*) должен заменить отца своего». Определив, таким образом, свой статус, *хан-заде* вручил генерал-губернатору дары от хана, которые были с благодарностью приняты. Примечательно, что в ответ Кауфман, в соответствии с восточными традициями, вручил ханскому сыну и его спутникам халаты (л. 22 об. — 23 об.).

Позднее в резиденции Насреддина состоялся обед, на который кокандский наследник пригласил всех, кто нанес ему визиты утром, тем самым стараясь закрепить начавшееся знакомство с представителями туркестанской администрации. На обеде он вел себя вежливо и радушно, стараясь общаться со всеми, однако после ухода гостей в доверительной беседе с Ш. Ибрагимовым выразил удивление, что русские так много говорят: «Все хохочут, говорят и нужное, и ненужное, а у нас не так: у нас говорят только нужное» (л. 23 об. — 24 об.).

На следующий день, 30 января, визиты к *хан-заде* продолжились, причем сначала пришли те, кто уже бывал у него ранее: астроном и дипломат К. В. Струве, войсковой старшина Б. М. Берг, юный сын К. П. фона Кауфмана и др. Их Насреддин пригласил на завтрак, а после полудня пришли знакомиться новые лица. При этом Ш. Ибрагимов отмечает восприимчивость ханского сына к местным традициям: «Заметно, что Хан Зада по приезде своем в Ташкент ни с кем из посещающих его не здоровался за руку, а теперь всем, кто к нему приходит, он подает руку и очень любезно просит садиться» (л. 26 об. — 27).

В 13.30 за Насреддином прибыла личная коляска К. П. фон Кауфмана, в которой его повезли на прием к военному губернатору Н. Н. Головачеву и правителью канцелярии А. Н. Гомзину¹⁰. Встретив тут же 13-летнего сына Кауфмана, Насреддин «тотчас же усадил его рядом с собою и говорил ему по-русски: “И здороф, и здороф”» (л. 28 об.).

Позднее в тот же день *хан-заде* побывал на приеме у супруги генерал-губернатора Ю. М. Кауфман (Берх), которая также представила его нескольким дамам «высшего круга здешнего общества», а затем поговорила с ним о здоровье и погоде, тем самым сочетая традиции русского и восточного светского общения. Примечательно, что сам Насреддин, судя по всему, пребывал в некотором замешательстве и ответные любезные слова за него жене Кауфмана говорил один из «стариков», которого по окончании приема *хан-заде* за это похвалил (л. 28 об. — 29, 30 об. — 31). Стеснительность ханского сына, скорее всего, была связана с большим количеством светских дам, присутствовавших на приеме. Без сомнения, этот обычай, столь несвойственный Востоку, произвел впечатление на Насреддина и его спутников. Неслучайно, как мы отметили выше, этот прием был впоследствии подробно описан ими хану Худояру. Впоследствии, опять же в доверительной беседе с Ш. Ибрагимовым, Насреддин достаточно подробно спрашивал о виден-

⁹ Это были его спутники по посольству: сановники Исса-Аулийе и мулла Турды-Али, а также Мирза Хаким — кокандский представитель в Ташкенте.

¹⁰ Имен этих чиновников Ш. Ибрагимов не упоминает, не без оснований полагая, что потенциальным читателям дневника они хорошо известны.

ных им дамах, удивлялся тому, что многие из них не замужем даже по достижении 20-летнего возраста, а когда узнал, что они активно занимаются «или хозяйством, или же рукоделием и другой какой-либо работой» и «даже есть между ними такие, которые сочиняют книги», «как-то недоверчиво ответил: “Ну, рассказывайте!”» (л. 31–31 об.).

Несмотря на то что в ряде случаев Насреддин старался демонстрировать способность воспринимать и применять русские обычаи и традиции, в других ситуациях он оставался весьма консервативным. Например, когда он решил устроить для своих местных гостей обед «из русских кушаньев», он не сумел скрыть, что ему не понравились ни щи, ни недоваренное мясо, ни обычай есть его с горчицей (31 об. — 33 об.). Заведя себе золотую цепочку, как у К. В. Струве, он тем не менее не отказался от обычая закутываться в халаты и шубу, а на рекомендацию Ш. Ибрагимова одеваться посвободнее, что «было бы красивее, и цепочки от Ваших часов прелесть как блестят!», ответил: «Извольте видеть, у нас это не принято. У нас большие люди, во-первых, скоро не ездят, во-вторых, открыто не ходят и, в-третьих, много не говорят» (л. 33 об. — 34).

Подводя итоги, можно отметить, что Ш. Ибрагимову в своих записках удалось достаточно ярко показать, что администрация Туркестанского генерал-губернаторства и правители Кокандского ханства, принимая дипломатических представителей друг друга, несомненно, уделяли значительное внимание дипломатическому церемониалу и протоколу и учитывали традиции государства-партнера, а также то, насколько соблюдались соответствующие правила в отношении их дипломатов. Для сравнения можно обратиться к еще одной публикации Ш. Ибрагимова, в которой он на основании сообщения кокандского сановника Сарымсака-парвоначи описал пребывание посольства Худояра в Кашгаре у местного правителя Якуб-бека¹¹. Согласно сведениям кокандского посла, кашгарский властитель формально признавал Худояра своим сюзереном и внешне выражал уважение его послам, но на самом деле отнесся к ним пренебрежительно, что выразилось и в обращении с ними, и в преподнесенных дарах (Ибрагимов. Коканское посольство 1872). По всей видимости, этой публикацией Ибрагимов хотел подчеркнуть, насколько корректно и уважительно выстраивали свои дипломатические отношения Туркестанское генерал-губернаторство и Кокандское ханство.

Вместе с тем можно отметить, что К. П. фон Кауфман и его подчиненные при соблюдении необходимых формальностей старались проявлять больше демократичности в отношениях с представителями Кокандского ханства и при этом демонстрировать преимущества своей цивилизации, надеясь, что выходцы из Средней Азии сумеют проникнуться ее достижениями, что не всегда встречало положительную реакцию со стороны последних. В свою очередь, кокандские власти, порой демонстрируя принятие отдельных элементов российских бытовых норм, предметов и т. п., все же относились к дипломатическому церемониалу и протоколу более скрупулезно и старались более тщательно соблюдать свои многовековые традиции. Соответственно представители туркестанской администрации, несмотря на личное неприятие некоторых кокандских протокольных норм (что также нашло отражение в записках Ш. Ибрагимова), все же соблюдали их, стараясь сохранять ту атмосферу миролюбия и доверия, которая формировалась в отношениях между Ташкентом и Кокандом на рубеже 1860–1870-х годов.

Несомненно, ценность записок Ш. Ибрагимова может подчеркнуть сравнение его сведений с сообщениями других российских современников — чиновников и дипломатов, которые участвовали в приемах посольств среднеазиатских правителей в России или сами направлялись с миссиями к этим правителям. Однако, полагаем, такой сравнительный анализ является предметом самостоятельного исследования.

¹¹ В 1864 г. в Восточном Туркестане, входившем в состав Цинской империи, началось антикитайское мусульманское восстание, и на его территории возникло несколько самопровозглашенных государств, самое крупное из которых, Йеттишар («Семиградье»), вплоть до своей смерти в 1877 г. возглавлял Якуб-бек, бывший сановник Кокандского ханства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 33 (Кун Александр Людвигович). Оп. 1. Ед. хр. 224. Ибрагимов И. И. Дневник (февраль-апрель 1872 г.).
- Бейсембиев Т. К. «Тарих-и Шахрухи» как исторический источник. Алма-Ата: Наука, 1987.
- Бейсембиев Т. К. Кокандская историография. Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX веков. Алматы: Print-S, 2009.
- Ибрагимов И. Из Кокана // Туркестанские ведомости. 13 марта 1872. № 11. С. 47–48.
- Ибрагимов И. Русское посольство в Кокане // Туркестанские ведомости. 24 апреля 1872. № 16. С. 63–64.
- Ибрагимов И. Коканское посольство в Кашгаре // Туркестанские ведомости. 1 мая 1872. № 17. С. 68–69.
- Ибрагимов И. Пять дней в Кокане (отрывки из дневника) // Туркестанские ведомости. 22 мая 1872. № 20. С. 80–81.
- Ибрагимов Ш. О муллах в Киргизской степи // Материалы для статистики Туркестанского края. 1874. Вып. III. С. 353–361.
- Ибрагимов И. Очерки быта киргизов // Древняя и новая Россия. 1876. № 9. С. 51–63; № 10. С. 51–63.
- Ибрагимов И. Заметки о киргизском суде. СПб.: тип. В. Киришбаума, 1878.
- Козинцев М. А., Почекаев Р. Ю. «Заметки туриста» Ш. М. Ибрагимова как источник по истории и географии Туркестанского края // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19, № 2 (вып. 49). С. 86–98. doi: 10.55512/WMO100940.
- Костецкий В. А. Россияне в Узбекистане. Ташкент: Нихол, 2008.
- Левтеева Л. Г. Присоединение Средней Азии к России в мемуарных источниках (историография проблемы). Ташкент: Фан, 1986.
- Лукин Б. В. Среднеазиатский этнограф Шахимардан Ибрагимов // Общественные науки в Узбекистане. 1966. № 7. С. 38–49.
- [О коканском посольстве] // Туркестанский сборник. 1870. Т. XXVII. С. 289.
- Почекаев Р. Ю. Дипломатический протокол при дворе правителя Хунзы (по запискам Б. Л. Громбчевского) // Кунсткамера. 2021а. № 4 (14). С. 28–36.
- Почекаев Р. Ю. Правовое положение Кокандского ханства под протекторатом Российской империи (1868–1876 гг.) // Право — явление цивилизации и культуры. Вып. III / отв. ред М. В. Немытина. М.: РУДН, 2021б. С. 448–454.
- Пребывание в Ташкенте сына кокандского хана // Туркестанские ведомости. 7 февраля 1872. № 6. С. 27–28; 15 февраля 1872. № 7. С. 31.
- Прибытие в Ташкент старшего сына кокандского хана // Туркестанские ведомости. 31 января 1872. № 5. С. 24.

REFERENCES

- Beisembiev T. K. “*Tarikh-i Shakhrukhi*” kak istoricheskii istochnik [“Tarikh-i Shakhrukhi” as a Historical Source]. Alma-Ata: Nauka, 1987. (In Russian)
- Beisembiev T. K. *Kokandskaia istoriografiia. Issledovanie po istochnikovedeniiu Srednei Azii 18–19 vekov* [Khoqand Historiography. Research on the Source Studies of Central Asia of the 18th–19th Centuries]. Almaty: Print-S, 2009. (In Russian)
- Kostetskii V. A. *Rossiiane v Uzbekistane* [Russians in Uzbekistan]. Tashkent: Nihol, 2008. (In Russian)
- Kozintcev M. A., Pochekaev R. Yu. “Zametki turista” Sh. M. Ibragimova kak istochnik po istorii i geografii Turkestanskogo kraia [“Tourist’s Notes” by Sh. M. Ibragimov as a Source on History and Geography of the Turkestan Region]. *Pis'mennye pamiatniki Vostoka*, 2022, vol. 19, no. 2 (iss. 49), pp. 86–98. DOI: 10.55512/WMO100940. (In Russian)
- Levtееva L. G. *Prisoedinenie Srednei Azii k Rossii v memuarnykh istochnikakh (istoriografiia problemy)* [Annexation of Central Asia to Russia Reflected in Memoir Sources (Historiography of the Problem)]. Tashkent: Fan, 1986. (In Russian)
- Lunin B. V. *Sredneaziatskii etnograf Shakhimardan Ibragimov* [Central Asian Ethnographer Shakhimardan Ibragimov]. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*, 1966, no. 7, pp. 38–49. (In Russian)
- Pochekaev R. *Diplomaticheskii protokol pri dvore pravitel'ia Khunzy (po zapiskam B. L. Grombchevskogo)* [Diplomatic Protocol at the Court of the Ruler of Hunza (According to the Notes of Bronislav L. Grombchevskiy)]. *Kunstkamera*, 2021, no. 4 (14), pp. 28–36. (In Russian)

Pochekaev R. Yu. Pravovoe polozhenie Kokandskogo khanstva pod protektoratom Rossiiskoi imperii (1868–1876 gody) [Legal Status of the Khoqand Khanate under the Protectorate of the Russian Empire (1868–1876)]. *Pravo – iavlenie tsivilizatsii i kul'tury* [Law as a Phenomenon of Civilization and Culture]. Ed. by M. V. Nemytina. Vol. 3. Moscow: RUDN, 2021, pp. 448–454. (In Russian)

Submitted: 10.05.2022

Accepted: 28.08.2022

Published: 10.10.2022